

ЛІТЕРАТУРА

1. Коломієць Л. Перекладознавчі семінари: методологічно-стильові орієнтири в українському поетичному перекладі від кінця ХІХ до початку ХХІ століття (на матеріалі перекладів англомовної поезії та поетичної драми) / Лада Коломієць. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2011. – 495с
2. Герасимчук Л. Рецепція доробку Волта Вітмена / Лесь Герасимчук.//<http://sumno.com/article/amerykanskuj-bard-v-ukrajini/>
3. Дікінсон Емілі. Лірика: З англ./ Упоряд. та передмова С.Д. Павличко. – К.: Дніпро, 1991. – 301 с.
4. Едвард Естлін Каммінгс. Тюльпани й димарі: вибрані вірші / Пер. з англ. І. Андрусяка і К. Борисенко. – Хмельницький-Київ: Видавництво Сергія Пантюка, 2004. – С.3-10.

УДК 811.161

Сидорец В.С.
(Мозырь, Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПЦИИ ТЕКСТ

*У лінгвістичному аспекті розглядаються питання, пов'язані з концепцією **текст**, а також екстралінгвістичні фактори у відношенні до концепції **дискурс**.*

Ключові слова: дискурс, концепт, текст.

*В лингвистическом аспекте рассматриваются вопросы, связанные с концепцией **текст**, а также экстралингвистические факторы по отношению к концепции **дискурс**.*

Ключевые слова: дискурс, концепт, текст.

In linguistic aspect the problems are considered connected with text concept as well as extralinguistic factors towards discourse concept.

Keywords: concept, discourse, text

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых тексту, следует отметить, что структура и семантика различных типов текстов раскрыты лишь частично, типы текстов неуклонно эволюционируют, в результате чего требуются дальнейшие усилия в решении проблемных вопросов, связанных как с теорией текста вообще, так и его стиливых разновидностей в частности. Особую актуальность в последние десятилетия приобретает исследование взаимопресечения концепции *текст* и концепции *дискурс*.

С точки зрения *лингвистики текста* Б. А. Плотников выделяет три его «составляющие: 1) компоненты, или единицы текста; 2) связи и отношения между этими компонентами; 3) семантика текста, которая представляет собой самостоятельную надкомпонентную сущность» [1, 5].

Обращаясь к понятию текст, современные лингвисты, как отмечает М. В. Всеволодова, имеют в виду «не “единицу” языка, а “речевое образование”». Далеко не все при-

знают текст объектом синтаксической науки, выделяя изучение его в отдельную область – лингвистику текста» [2, 337]. Опираясь на многочисленные труды по текстологии, исходя из своего опыта, М. В. Всеволодова подчёркивает, что «мы говорим текстами, а не предложениями», при этом «текст (письменный или устный) всегда отражает определённые ментальные характеристики носителей данного языка и/или микросоциума... Текст – это сложное и многофакторное целое» [2, 337].

Развивая мысль о том, что «предложение как языковая модель – это научная абстракция» [2, 337], Всеволодова критически оценивает известное выражение: «предложение в тексте обогащается новым смыслом» [2, 337]. Фактически «любое предложение изначально возникает в тексте, уже в момент своего возникновения обогащаемое всеми объективными и субъективными смыслами, необходимыми для данного текста в целом» [2, 337].

Здесь же Всеволодова определяет и понятие *дискурса* – коммуникативного единства «текста и внеязыковых факторов, влияющих на продуцирование / восприятие текста» [2, 337].

Для Е. А. Огневой *текст* – это «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную структуру коммуникативной интенцией её автора» [3, 6].

При определении понятия *текст* О. И. Ревуцкий, ссылаясь на Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова, утверждает, что в лингвистике текст всё чаще рассматривается как дискурс – «сложное коммуникативное целое, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта, необходимые для понимания текста)» [4, 32]. Хотелось бы данное высказывание отнести всецело к уважаемому О. И. Ревуцкому, потому что цитируемые им авторы вступительной статьи определяют не понятие текста, а понятие дискурса, трактовка которого «значительно менялась на протяжении последних двадцати лет. Если в 60-70-е годы дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Очевидно, что такое определение дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает и наличие интегрированных моделей обработки дискурса» [5, 8].

Представляет интерес мнение В.Е. Чернявской, которая обращается «к той современной исследовательской ситуации, когда в ряде концепций **текст** противопоставляется **дискурсу**, во всяком случае, текст считается не завершающим уровнем коммуникативно-речевой иерархии, но включенным в систему дискурса» [6, 7]. Дискурс – своеобразный экстралингвистический контекст «в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом... Становится очевидным разделение понятий “текст” и “дискурс” и задач традиционного текстового анализа и анализа дискурса» [6, 135]. В отличие от анализа текста, направленного на различные по объёму внутритекстовые структурно-семантические образования и на смысловое взаимодействие этих об-

разований с лингвистических позиций для решения соответствующих лингвистических задач, «дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения» [6, 135]. Из этого, по мнению В. Е. Чернявской, вытекает два определения дискурса: «дискурс 1 обозначает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое письменных текстах устной речи, осуществляемое в определённом, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [6, 143]; «поддискурсом 2 понимается совокупность тематически соотнесённых текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, таили иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [6, 144], что позволяет выделять различные типы и подтипы дискурсов: научный, политический, рекламный, экономический, медицинский и т. д.

Несмотря на то, что «текст – это результат коммуникативно-речевой деятельности» [6, 134], само понятие *текст* не имеет в лингвистической науке однозначного ответа. Имеется более 300 определений текста [6, 12], тем не менее «вопрос о том, что же такое текст, каков статус этой лингвистической категории в свете новых исследовательских акцентов... не снимается, но звучит с новой силой. Какие свойства могут и должны быть присущи всякому тексту – текстовому экземпляру, реально существующему и/или потенциально возможному? Какие признаки, факторы, обеспечивающие текстопорождение и -восприятие и делающие текст текстом?» [6, 13]. То, что к 90-тым годам двадцатого века понимание текста представлялось в качестве высшей коммуникативной единицы, которое складывалось на базе текстов-словосочетаний, текстов-предложений, а также определённым образом организованной совокупности предложений, представляющих текст, в настоящее время «текст – важный элемент коммуникативной системы, но не единственный, он сам существует в системе дискурса, т. е. вокруг- и надтекстового экстралингвистического фона» [6, 12].

Тексты мы можем продуцировать или воспринимать. Если мы определённые тексты производим (продуцируем), то мы опираемся на знания, приобретённые в результате познания фактов объективного и субъективного мира; если имеем отношение к готовым текстам, то с помощью их можем получать либо нам уже известную, либо какую-то новую информацию. Естественно, то, что относится к определённым типам информации и её оценке, к смысловым факторам – это дискурсивная часть в тексте (ах), а то, с помощью каких определённым образом организованных языковых средств реализуется такая информация – это лингвистическая часть текста. Кроме того, для лингвистической стратегии в процессе анализа текста представляет, как отмечалось выше, интерес дискурсивно-экстралингвистический фон, влияющий «на формирование языковых закономерностей конкретного произведения» [6, 135]. Поэтому для лингвистики не является, например, существенной информация в адективных словосочетаниях *синий от мороза (нос)* и *синий от водки (нос)*, а важно то, что между компонентами словосочетаний проявляются причинно-следственные отношения. Важно также, что не всякий тип информации имеет дискурсивный характер (*Завтра вечером я еду на рыбалку; Вчера мы с женой*

были в театре и т. д.) и формирует языковые закономерности того или иного произведения [6, 135].

Весьма актуальной в современных исследованиях продолжает оставаться специфика художественного текста.

Само понятие *художественный текст* достаточно чётко не определено. Обычно под ним подразумевают язык художественной литературы, который, реализуя авторский замысел, отражает стилевое многообразие общества.

Специфика художественного текста стимулирует, как известно, индивидуально-авторское начало в разносторонней актуализации языковых средств, отобранных из национального языка для реализации творческого замысла, заключающегося в том, что автор при создании художественного произведения «производит отбор... явлений действительности, которые соответствуют его представлениям и концепциям. Вымышленные, но правдоподобные ситуации моделируются им в целях пояснения и подтверждения своих идей и представлений» [7, 4]. В связи с этим И. Р. Гальперин отмечает особый характер модальности художественного текста [8, 72], который проявляется через свойственную тому или иному писателю систему актуализации языковых средств.

В отмеченных высказываниях отражены существенные черты художественного текста, хотя «общей теории художественного текста... ещё не создано. Художественный текст продолжает оставаться некоторой “закрытой сущностью”» [7, 4]. Поэтому изучение художественного текста на пути прохождения от его мотивационной установки до материальной реализации представляет пока не закономерно решаемую проблему, а стремление установления истины через набор эмпирических приёмов, которыми владеет исследующий тот или иной текст с учётом собственного опыта. Сложность анализа художественного текста заключается в многоплановости, многомерности его семантики, поскольку «художественный текст не только отражает действительность, но и выражает средствами естественного языка модели человеческого отношения к миру» [7, 18].

Весьма интересные соображения о специфике художественного произведения приводятся в монографии О. И. Ревуцкого [4]. Развивая получивший в научной литературе тезис об особом характере модальности художественных текстов, он подчеркивает, что этот характер отличается «более заметным, чем в текстах других стилей, проявлением персональности, суть которой заключается в эмоционально-оценочном отношении автора к изображаемому. Этим определяется и специфика коммуникативной направленности художественных текстов: их потенциальный читатель должен быть способным к проникновению во внутренний мир автора, видению изображаемого его глазами, сочувствию и сопереживанию» [4, 40]. Ссылаясь на И.Р. Гальперина и солидаризируясь с ним, О.И. Ревуцкий обращает внимание на тесную связь «модальности художественных текстов с образностью», на их высокую информативную насыщенность, цельность, связность (и даже «бессвязную связность»), на имплицативность – «невывраженность автором некоторой части содержания в расчете на то, что читатель сам сможет дополнить недостающее» [4, с.43], на проспекцию и ретроспекцию, когда «время может не соответствовать естественной хронологии событий, когда «возможны “прорывы” в далекое прошлое, свободное “путешествие” по разным временным планам и т.д.» [4, с. 44].

В последнее время наметился интерес к художественному тексту в аспекте когнитивного моделирования его концептосферы. Это позволяет основательнее определить глубинные свойства художественного текста, поскольку когнитивный аспект исследования, как подчёркивает Е.А. Огнева, учитывает ряд факторов: онтологические свойства – коммуникативную природу текстовой деятельности и её структурирование; идеологическую и гносеологическую природу художественной деятельности; специфику художественного слова – язык художественных произведений, который является максимальной манифестацией национального языка, охватывающей все реализации его творческого потенциала; высокую степень антропоцентризма художественного текста – сложного смыслового знака, выражающего знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира [3, 49]. Естественно, художественные тексты характеризуются большей степенью дискурсивности, чем другие стилистические типы текстов.

С учётом типов художественных концептов Е.А. Огнева предлагает графическую систему моделирования различных по семантическому объёму когнитивных структур, которые представляют концептосферу художественного текста. Специфика художественного слова – язык художественных произведений – это своеобразный план выражения художественного текста, а концептосфера – план его содержания. Следовательно, изучение различных по объёму, семантике и концептуально-структурной значимости единиц плана выражения художественного текста раскроет «секреты» его концептосферы, т.е. плана содержания, и чем полнее мы проанализируем составляющие плана выражения, тем точнее отразим в графической системе когнитивные структуры исследуемой концептосферы, которые позволят эффективнее решить культурологические, литературоведческие и другие проблемы, получившие выражение в том или ином художественном тексте. Поэтому естественно то, что научно объективному когнитивному моделированию концептосферы определённого художественного текста должен предшествовать всесторонний «накопительный» лингвистический анализ равноуровневых единиц, представляющих план выражения того или иного текста.

Полагаем, что приведенные выше соображения дополняют наше лингвистическое понимание текста, представляющего прежде всего систему связанных по смыслу и различных по структуре грамматически организованных речевых сегментов, которые обеспечивают его содержательную цельность. Эта воплощённая с помощью равноуровневых языковых средств система – результат взаимодействия человека с объективно-субъективным миром, результат когнитивных усилий человека – всего того, что реализует заложенный в ней смысл. Продуцированная текстом или воспринятая в текст дискурсивная информация может «работать» как на лингвистический фактор, раскрывая своеобразие употребления, семантики и грамматической структуры равноуровневых речевых единиц в тексте, так и на фактор экстралингвистический, отражающий своеобразие интеллектуального, духовного, социально-исторического состояния общества на определённом этапе развития. Всё, что работает на лингвистическую сферу, представляет концепцию **текст** – структуру, не завершающую уровень «коммуникативно-речевой иерархии». То же, что реализует конкретно-историческую жизнь социума с учётом выхода на специфику использования речевых средств, раскрывающих не своеобразие языка на определённом

ном синхронном срезе, а духовно-интеллектуальные черты представителей социума, завершает эту иерархию и относится к сфере **дискурса**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотников, Б. А. Семиотика текста. Параграфемика / Б. А. Плотников. – Мн.: «Вышэйшая школа», 1992. – 190 с.
2. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – Москва: Изд-во МГУ, 2000. – 504с.
3. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е.А. Огнева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.
4. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста / О. И. Ревуцкий: Минск: РИВШ, 2006. – 320 с.
5. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Т. А. ван Дейк. ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КОММУНИКАЦИЯ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
7. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – Москва: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1988.– 123 с.
8. Гальперин, И. Р. О понятии *текст* / И. Р. Гальперин// Лингвистика текста: материалы научн. конф. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 67-73.

УДК 81.347.78.034

Бондар М.
(Київ, Україна)

ТУРЕЦЬКА БЕЗЕКВІВАЛЕНТНА ЛЕКСИКА: ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧНІ ГРУПИ ТА СПЕЦИФІКА ФУНКЦІОНУВАННЯ (на матеріалі турецько-українських художніх перекладів)

У статті проаналізовано турецьку безеквівалентну лексику, визначено лексико-тематичні групи, типові контексти, специфіку функціонування.

Ключові слова: безеквівалентна лексика, лакуна.

В статті проаналізовано турецьку безеквівалентну лексику, виявлено лексико-семантичні групи, типові контексти, специфіку функціонування.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, лакуна.

The article analyses the culture-specific vocabulary (the lexical categorization and thematic groups, typical contexts and functional peculiarities).

Key words: culture-specific vocabulary, lacuna.

© Бондар М., 2013